

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФИЛИАЛ КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
В Г. СЛАВЯНСКЕ-НА-КУБАНИ**

Кафедра русской и зарубежной филологии

М. Ю. БЕЛЯЕВА

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

**Краткий курс лекций
для студентов 2-го курса бакалавриата, обучающихся по направлению
44.03.01 Педагогическое образование
(профиль подготовки – Филологическое образование)
очной формы обучения**

Славянск-на-Кубани
Филиал Кубанского государственного университета
в г. Славянске-на-Кубани
2018

УДК 81'36
ББК 81.2
Г 763

Рекомендовано к печати кафедрой русской и зарубежной филологии
филиала Кубанского государственного университета
в г. Славянске-на-Кубани

Протокол № 10 от 21.06. 2018 г.

Рецензент:

кандидат филологических наук, доцент

Е. В. Литус

Беляева, М. Ю.

Г 763 **Грамматическая картина мира** : краткий курс лекций для студентов 2-го курса бакалавриата, обучающихся по направлению 44.03.01 Педагогическое образование (профиль подготовки – Филологическое образование) очной формы обучения / М. Ю. Беляева. – Славянск-на-Кубани : Филиал Кубанского гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2018. – 33 с. 1 экз.

Пособие М. Ю. Беляевой включает краткий курс лекций по дисциплине «Грамматическая картина мира» (курс по выбору). Тексты лекций («Грамматические картины мира в этнических языках», «Грамматические структуры в онтогенезе и филогенезе» и др.) составлены автором самостоятельно и сгруппированы в подразделы: «Теоретические основы морфологии», «Частные вопросы русской грамматики». В качестве вспомогательного материала для самостоятельной работы студентов предлагается таблица «Развитие русской грамматической мысли в XVI-XVII вв.».

Пособие предназначено для студентов 2-го курса бакалавриата филологических факультетов, обучающихся по направлению 44.03.01 Педагогическое образование (профиль подготовки – Филологическое образование) очной формы обучения.

Электронная версия издания размещена в электронной информационно-образовательной среде филиала и доступна обучающимся из любой точки доступа к информационно-коммуникационной сети «Интернет».

УДК 81'36
ББК 81.2

© Филиал Кубанского государственного университета
в г. Славянске-на-Кубани, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1 Базовые сведения о дисциплине	6
2 Краткий курс лекций	6
Теоретические основы общей морфологии и понятие языковой картины мира	6
2.1 Базовые понятия грамматики (морфологии)	6
2.2 Морфологическая типология языков мира	8
2.3 Грамматические структуры в онтогенезе и филогенезе	11
2.4 Понятие языковой картины мира	13
2.5 Грамматические картины мира в этнических языках	16
2.6 Морфемика как часть грамматической картины	18
Частные вопросы русской грамматики	19
2.7 Процессы формирования грамматических категорий русского глагола	19
2.8 Грамматическая омонимия частей речи в русском языке	21
2.9 Грамматики русского языка	24
2.10 Поэтическая морфология частей речи в русском языке	26
3 Вспомогательные материалы	29
3.1 Развитие русской грамматической мысли в XVI-XVII вв.	29
Список использованной литературы	32

ВВЕДЕНИЕ

Пафос данной работы составляет формирование целостного представления о грамматике как одном из основных ярусов любого этнического языка и выявление на этой основе специфики русской грамматики в ходе изучения студентами-филологами бакалавриата дисциплины по выбору «Грамматическая картина мира».

Сложности в восприятии грамматики связаны с различием критериев выделения грамматических единиц в рамках различных научных направлений и школ, различной внутренней организацией языков мира.

Обучение русскому языку основного массива русских школьников и студентов в советский и постсоветский периоды осуществляется с минимумом сопоставления с данными о других языках. Даже в условиях глобализации не приходится рассчитывать на скорое возрождение латыни и тем более греческого языка в российских школах. «Стразы» из близкородственных славянских языков попадают в кругозор школьников не рано, с 5 класса, повторяясь в 9-11-х классах. Студентам-гуманитариям везет намного больше их коллег, однако специфика русского языка в целом для русских практически не проясняется. Подобная онтологическая задача не поддерживается прагматикой образования, сводящегося исключительно к ортологии (культуре речи). С этнической спецификой русского языка традиционно знакомят иноговорящих в курсе преподавания русского языка как иностранного, правда, пестрота этнического и языкового состава групп обучаемых не всегда позволяет сопоставление какого-либо одного языка с русским.

Учебная программа не содержит такой формы аудиторной работы, как лекции. Однако без соответствующих текстов студентам сложно оперировать понятиями общей морфологии и получить представление о векторе ее движения на примере частной (русской) морфологии. Программа дисциплины включает ряд разделов: «Теоретические основы общей морфологии и понятие языковой картины мира»; «Частные вопросы русской грамматики»; «Развитие русской грамматической мысли»; «Методические проблемы грамматики». Тексты лекций освещают темы двух первых разделов. В помощь студентам при изучении 3-го раздела предлагается таблица «Развитие русской грамматической мысли в XVI-XVII вв.».

Первая часть составленного нами краткого курса лекций посвящена фундаментальным теоретическим понятиям современной грамматики. Предлагаются толкования базовых терминов-понятий морфологии (предмет, единицы, модели, принципы изучения), сведения о формировании терминофонда науки, современных направлениях исследования (функциональная грамматика), грамматических структурах с позиций онтогенеза и филогенеза. Морфологическая типология языков связана с проблемой грамматической картины мира в ее деривационной и

грамматической ипостасях, без чего немислимо выявление специфики русской грамматики.

Вторая часть краткого курса лекций освещает частные проблемы морфологии русского языка. В настоящее время образование рассматривается как феномен культуры. В связи с этим повышается интерес к национальной специфике грамматических категорий, значений, форм. Процесс становления тех или иных грамматических феноменов отражает специфику формирования и развития этноса. Показательны в этом отношении русский вид, лицо и другие категории.

Вступление общества в информационную эпоху, глобализация проблем, в том числе и образовательных, изменение требований к уровню компетентности специалистов привело к формированию новой образовательной парадигмы и модернизации образования. Понимание этих закономерностей и проектирование с их учётом собственной педагогической деятельности рассматривается нами как важный показатель профессиональной компетентности педагога.

1 БАЗОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ДИСЦИПЛИНЕ

Рабочая программа по дисциплине Б1.В.ДВ.01.01 «**Грамматическая картина мира**» составлена в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования (ФГОС ВО) по направлению 44.03.01 Педагогическое образование, разработанному Министерством образования и науки РФ, утвержденному приказом № 1426 от 04.12.2015 г. и зарегистрированному в Минюсте РФ 11.01.2016 г. (№ 40536).

Дисциплина по выбору относится к вариативным блока 1, предназначена студентам 2-го курса бакалавриата филологических факультетов, обучающихся по направлению 44.03.01 Педагогическое образование (профиль подготовки – Филологическое образование) очной формы обучения. Объем трудоемкости: 3 кредита (108 часов, из них 56 часов аудиторной нагрузки (в т. ч. 12 часов лекций, 40 часов практических занятий, 4 КСР), 52 час. самостоятельной работы), зачет, 2 к., 3 семестр.

2 КРАТКИЙ КУРС ЛЕКЦИЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ И ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

2.1 Базовые понятия грамматики (морфологии)

1. Предмет и терминологический аппарат раздела
2. Модели морфологии
3. Функциональная грамматика

1. В 1822 г. Иоганн Гёте предложил термин *Formenlehre* (*морфология*) с целью

описания форм живой и неживой природы в естественных науках.

У отечественных структуралистов XX в. под морфологией понималась часть лингвистики, занимающаяся словом во всех его релевантных аспектах (И. А. Мельчук) [Апресян]. Объектом морфологии, с этой точки зрения, являются минимальные двусторонние единицы языка (морфемы) и «жесткие» комплексы единиц, обладающие особыми свойствами (словоформы или просто слова) [Плунгян, с. 13]. Термин *словоформа* был предложен в 1950-е гг. советским ученым А. И. Смирницким.

Иногда задача морфологии понимается как описание словоизменения (что традиционно для русистики), но с добавлением исследования морфологических грамматических значений.

Различны задачи общей и частной морфологии. Внутри морфологии выделяют две самостоятельные области: *морфемiku* (формальную морфологию) и *грамматику* (грамматическую семантику).

Языковые средства, позволяющие выражать значения внутри слова, называются морфологическими средствами, а языковые значения, которые выражаются внутри слов, являются морфологическими значениями.

Грамматический ярус, по мнению учёных, включает словесный и предложенческий уровни; к первому принадлежат словообразовательный, лексический и морфологический уровни [Даниленко, с. 253].

2. В эпоху классического структурализма исследователи Чарльз Хоккет и П. Меттьюз выделили три модели морфологии: *элементно-комбинаторные*, *элементно-операционные*, *словесно-парадигматические*. Если первые относятся к статическим, требующим линейного сегментирования цепочки, то вторые являются динамическими, способными объяснять существование алломорфов. Третья модель, идущая от средиземноморской традиции языкознания, отказывалась от морфемного членения, предпочитает говорить о системе форм (исходных и с отклонениями от них) – *парадигме*. Универсальная морфологическая теория должна отражать особенности разных типов языков – агглютинативных (с аддитивной морфологией), полисинтетических (с ранговой структурой словоформы и полиаффиксацией), фузионно-флективных (с неавтоматическим варьированием и высокой степенью «парадигматизации» грамматики) [Плунгян].

Если ментальная грамматика, по мысли американского лингвиста Ноэма Хомского, представляет собой врожденный механизм мозга, то когнитивная грамматика, по утверждению американского ученого Р. Лэнгакера, есть лингвистическое продолжение образов реальности. Противоречие между ментализмом и когнитивизмом в понимании сущности грамматической компетенции объясняется встречными направлениями движения единого процесса — «от мозга» и «к мозгу» [Мильруд]. Сам Н. Хомский никогда не отрицал роли отражения реальности в формировании грамматической компетенции, приходя к выводу о том, что сознание есть картина реального мира, а язык есть картина сознания.

3. «Задачей функциональной грамматики ... является разработка динамического аспекта функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных уровней языка, участвующими в выражении смысла высказывания. При этом она не порывает с системно-структурным (системно-категориальным) аспектом грамматического строя языка. Напротив, необходимым и чрезвычайно важным компонентом

функциональной грамматики является описание системы тех средств данного языка, которые используются в речи» [Бондарко].

Например, в функционально-семантическое поле компаративности входят конструкции сравнения, имеющие следующий состав: 1) объект сравнения (единица, обозначающая сравниваемый предмет, лицо, явление, действие или ситуацию); 2) эталон сравнения (единица, обозначающая предмет, лицо, явление, действие или ситуацию, с которой сравнивают объект); 3) собственно сравнение (единица, обозначающая отношение объекта сравнения к эталону сравнения); 4) основание сравнения (единица, обозначающая признак, по которому происходит сравнение). Сравниваются два явления, предмета или лица, реально существующих в объективной действительности и обладающих реальным или мнимым сходством (*Война должна быть скоротечна, как вспышка молнии*). Собственно сравнение и основание сравнения выражаются при помощи сравнительной степени прилагательного или наречия в аналитической форме. Собственно сравнение отражается при помощи грамматической формы прилагательного или наречия, основание сравнения при помощи лексического значения прилагательного или наречия. Например: Светлана моложе его на два года (О. В. Кравец).

2.2 Морфологическая типология языков мира

1. Общая морфология о типах грамматического строя языков
2. Классы типологического сходства языков
3. Синтетические и аналитические языки
4. Своеобразие грамматических категорий и значений в этнических языках.

1. Морфологическая типология языков впервые разработана в первой трети XIX в. Фридрихом фон Шлегелем, представителями сравнительно-исторического языкознания Вильгельмом фон Гумбольдтом, Францем Боппом. К основным терминам-понятиям направления относятся: флексия, флективные языки, агглютинация, фузия; аналитические и синтетические языки; изолирующие (корневые, аморфные) языки, инкорпорация, инкорпорирующие (полисинтетические) языки.

Различие между двумя типами морфемного устройства слова состоит в том, что при агглютинации границы между морфемами отчётливы, каждый аффикс имеет свое значение, каждое значение выражается всегда одним и тем же аффиксом; всего этого лишены фузионные слова. Агглютинативных (а) языков на Земле гораздо больше, нежели фузионных (б): алтайские, банту, дравидские, америндские, японский, эсперанто и др. (а); индоевропейские (английский, латынь, немецкий, славянские и др.) (б).

Таблица 1 – Индексы агглютинативности языков мира, по Дж. Гринбергу

Этнические языки	1	2	3	4	5	6
Индексы	0,3	0,34	0,51	0,69	0,036	0,1

1 – английский, 2 – персидский, 3 – якутский, 4 – суахили, 5 – эскимосский, 6 – русский (цит. по : [Мечковская, с. 77–78]).

2 К классам типологических сходства языков относятся: типологическая закономерность, языковой тип, лингвистические универсалии и фреквенталии. Проявления типологии носят множественный и вероятностный характер: это все те возможности устройства языка, которые «разрешены» природой человека. *Типологическая закономерность* – какое-либо сходство, наблюдаемое в нескольких (хотя бы в двух) неродственных языках и при этом не обусловленное контактами этих языков, например:

- в некоторых языках имена разделяются на классы (например по роду, по одушевленности / неодушевленности, или активности / неактивности, исчисляемости / неисчисляемости и т. п.);
- в некоторых языках есть определенные и неопределенные артикли;
- в некоторых языках синтаксическая функция имени выражается флексией (т. е. имеется падеж).

Есть общие для всех языков и поэтому обязательные черты (*статистические универсалии // почти-универсалии*); есть явления, проявляющиеся в меньшем количестве языков) (*фреквенталии*), а также факультативные, редкие.

3 В синтетическом типе языков грамматические значения выражаются способами в пределах слова (аффиксация, внутренняя флексия, редупликация, сложение, супплетивизм, ударение), в аналитических – за пределами слова (служебные слова, порядок слов, интонация).

Индекс синтетичности – главная типологическая характеристика этнического языка. Он указывает, из скольких в среднем морфов (морфем) состоит слово типового языка в тексте, т. е. в речи, а не в словаре. Для большинства языков мира колеблется от единицы (с несколькими сотыми долями) до трех.

Индекс синтетичности русского слова равен 2,45 (А. Г. Лыков) [Лыков], или 2,39 (Ю. С. Маслов, Н. И. Мечковская), а английского слова – 1,68. Русское слово в среднем состоит из двух с половиной морфем, а английское слово – из полутора с небольшим морфем: русское принадлежит синтетическому типу языка, содержит в себе в среднем большее число грамматических значений, чем английское слово; в связной речи русское слово более автономно, более независимо от окружения соседних слов

контекста, менее нуждается в своем функционировании во внешней поддержке. «В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому, и как в лексике слова перерастают в идиомы и фразы, так и в грамматике слово может обрастать сложными, аналитическими формами, своего рода грамматическими идиоматизмами» (В. В. Виноградов).

Таблица 2 – Индексы синтетичности языков мира, по Дж. Гринбергу (цит. по : [Мечковская, с. 73])

Этнические языки	1	2	3	4	5
Индексы	1,68	2,17	2,55	3,72	2,39 // 2,45

1– английский, 2 – якутский, 3 – суахили, 4 – эскимосский, 5 – русский (цит. по : [Мечковская, с. 77–78]).

4 Грамматическим категориям и значениям в разных языках мира присуще своеобразие. Оно проявляется в количественном (1) и качественном отношениях (2).

Категория глагольного времени во французском содержит (согласно традиционной грамматике) десять значений: ‘настоящее’, ‘имперфект’, ‘простое прошедшее’, ‘сложное прошедшее’, ‘плюсквамперфект’, ‘предпрошедшее’, ‘простое будущее’, ‘будущее предварительное’, ‘будущее в прошедшем’, ‘будущее предварительное в прошедшем’; в русском категория времени содержит всего три значения: ‘настоящее’, ‘прошедшее’, ‘будущее’. Категория рода прилагательных во французском языке содержит два значения: ‘мужской’ и ‘женский’; в русском языке род прилагательных объединяет три значения: ‘мужской’, ‘женский’ и ‘средний’ (1).

Глагольное время оказывается словоизменительным значением в английском, испанском и в русском; род и число глагола (в прошедшем времени) – в русском; число и лицо глагола – в испанском. Значения ‘мужской пол’ и ‘женский пол’, обязательно выражаемые при определенных названиях лиц в русском и в испанском, суть *словообразовательные* значения. Во вьетнамском же мы вообще не находим никаких словоизменительных значений (2). В баскском языке есть две различные падежные категории – *семантический падеж* (а), выражающий некий смысл, который прибавляется к смыслу субстантивной основы, и *синтаксический*

надеж, который выражает только синтаксическую зависимость между словоформами (б).

harri ‘камень’ ~ *harri* + *z* (/ *s* /) [инструментатив] ‘камнем/из камня’;
eliza (*elisa*) ‘церковь’ *eliza* + *ra* ‘к церкви’ [аллатив];

harri + *z* + *ko* [инструментатив + генетив] *zubi*, букв, ‘из камня – генетив – мост’ = ‘каменный мост’; *eliza* + *ra* + *ko* [аллатив + генетив] *bidea*, букв, ‘к церкви – генетив – дорога’ = ‘дорога [ведущая] к церкви’ (2).

2.3 Грамматические структуры в онтогенезе и филогенезе

1. Формирование грамматических категорий в филогенезе
2. Процессы формирования грамматических структур в онтогенезе
3. Причины появления ненормы в «детской» грамматике.

1 На самой заре человечества существовал, очевидно, примитивный строй речи, определяемый как язык нечленимых звуков-предложений. В этот период предложение, не имевшее никаких форм, не расчлененное внутри себя на слова или отдельные звуки, представляло собой одноуровневую структуру языка. Впоследствии на этой базе сформировались двух- (лексический и синтаксический) и многоуровневая (лексико-семантический, фонологический, морфологический, стилистический) структуры [Дешериев, с. 35].

Генезис грамматических явлений являлся предметом исследования ученых разных направлений. Альбер Сеше, ученик Ф. де Соссюра, стремился опереться на данные «детского языка» для объяснения происхождения и формирования грамматических структур.

Говорить о полном соответствии исторического и детского развития речи не приходится. Так, дети предпочитают архаическую, системную, нерегулярную форму *цехи* (от *цех*) регулярной грамматической форме *цеха* (аналогично: *учители*, *поезды* и др.). Системные соотношения в детском языке превалируют над регулярными (*целоваю*, *рисоваю*).

2 В психолингвистике последних лет детская речь выделилась в отдельную отрасль: *онтогенез речи* (детская речь), или *онтолингвистика*. В последние годы актуализируется не только «вертикальный» подход к анализу детского языка (в сравнении с системой взрослых), но и «горизонтальный» (с позиций постепенно формирующейся языковой системы ребенка) [Цейтлин, с. 335]. Оба подхода взаимно дополняют друг друга.

При всем разнообразии детских инноваций разные дети независимо друг от друга создают одни и те же языковые единицы. Следовательно, существуют общие особенности постигаемого детьми языка и единая стратегия овладения механизмом родного языка. Словотворчество детей

отражает творческий характер усвоения языка и также подчиняется определённым закономерностям [Гридина].

Ещё Жорж Вандриес заметил, что детский язык нам указывает только, как усваивается уже организованный язык, ... ребенок возвращает только то, что ему дали ... он совершает подражательный акт, но не творческий, не самодовлеющий. Алгоритм усвоения категорий, значений и форм строится от простого к сложному, от конкретного к абстрактному.

В полтора года у ребенка появляются звукоподражательные слова, к двум годам – двусловные фразы; начинается освоение грамматики. К трём годам словарь ребёнка увеличивается многократно. Отмечают следующую последовательность усвоения грамматики словоформ: число имен существительных > повелительное наклонение (императив) > падеж > время глагола > лицо глагола. Личные местоимения традиционно рассматриваются как осваиваемые детьми относительно поздно, что объясняется их «шифтерной» природой и следующей отсюда сложностью их осознания детьми [Белянин].

До определенного возраста ребёнок не замечает нелогичности используемых им форм (*очки, часы* – о единичном предмете), но с двух лет начинает говорить *очко, санка*.

3 Детская инновация – языковой факт, зафиксированный в речи ребёнка и отсутствующий в общем употреблении.

Одной из важнейших причин появления детских инноваций ученые (А. В. Бондарко, С. Н. Цейтлин и др.) считают разграничение мыслительного (понятийного, логического) содержания с собственно языковым; при всей спаянности, это различные сущности [Цейтлин, с. 330–331]. Сопоставление внеязыкового содержания с языковой формой упрощается, когда между смыслом и грамматическим значением существует ясное и однозначное соответствие: форма мн. числа указывает на некое множество, женского рода – на лицо женского пола и т. д. Дети усваивают в первую очередь значения грамматических единиц, которые отображают внеязыковую семантику, т. е. смысл. В тоже время закономерны ошибки в определении грамматических значений, не мотивированных по смыслу, например, рода неодушевленных существительных (*костренища, ж. р. ‘большой костер’*), зоонимов (*коши́х ‘кот’*) [Харченко].

Множество ошибок обусловлено тем, что ребёнок пытается применить ко всему говоримому наиболее общие правила. Возникает даже так называемый «промежуточный язык». Случаи отступления от иконичности знаков последовательно исправляются детьми. Многие ошибки детей типичны, и зависят от их возраста и уровня языкового развития.

Стремление избежать форм-исключений (с чередованиями, супплетивизмом) приводит к гиперкоррекции (Я лгу – Он лгёт; Он шел – Она шела). Степень усвоения категории, значения, формы проверяется способностью применить полученные знания к новому языковому материалу.

В. Виноградов [Виноградов, 1994, с. 56] полагает, что «механизм ошибок принципиально тождествен для процесса приобретения языка ребенком и для процесса изучения второго языка взрослыми», хотя овладение Я1 отличается от изучения Я2 тем, что в первом случае отсутствуют готовые схемы, соотносимые с системой, и готовые эталоны, соотносимые с нормой, а во втором – требуется не только формировать новые схемы и эталоны, но и развивать способность «отключать» систему и норму Я1 при пользовании Я2.

Выделяют две составляющие в механизме ошибок в речи на Я2: интерференцию и аналогию. *Интерференция* трактуется как подмена схем и моделей изучаемого языка соответствующими элементами родного языка, либо изменение первых по образцу вторых; она может быть вызвана как системой, так и нормой Я1. Ошибки, вызванные *ложной аналогией*, всегда касаются нормы, их источником является «сама усвоенная система, воздействующая на норму таким образом, что системно возможное подменяет нормативно принятое», отсюда *интерференционная аналогия* выступает как центральная пружина механизма ошибок, основаниями для действия которой могут быть: система Я2, система Я1, норма Я2, норма Я1.

2.4 Понятие языковой картины мира

1. Термин-понятие «картина мира»
2. Лексический уровень проявления языковой картины мира
3. Специфика русской языковой картины мира
4. Термин-понятие "грамматическая картина мира"

1 Некоторые ученые полагают, что национальная специфика слова этнически обусловлена, т. е. продиктована фактом принадлежности к определенному этносу. Универсальное и национально-специфическое находят отражение в языке как системе, которая при анализе выстраивается в определенную картину мира.

По Мартину Хайдеггеру, в выражении «картина мира» мир выступает как обозначение сущего в целом. К миру относится и история, природа, основа мира независимо от того, как мыслится ее отношение к миру.

Картина мира — это не просто изображение мира, не нечто срисованное: «Картина мира, сущностно понятая, означает таким образом не

картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины», это специфическая языковая картина мира.

К настоящему моменту имеется огромное количество определений понятия языковая картина мира (ЯКМ), в основном, с позиций способа отражения внеязыковой действительности в содержательной стороне языка.

Картина мира представляет собой частный, исторически обусловленный способ того универсального явления, которое можно назвать моделированием мира в семиотическом понимании этого слова. Картина мира – это его модель, но не любая модель мира является картиной. Типология моделей мира отсутствует (Ю. Л. Воротников).

ЯКМ принято противопоставлять концептуальной или научной картине мира (НКМ). Под концептуальной картиной мира понимают глобальный образ мира, существующий в сознании какого-либо социума в определенный период его истории, который создается в результате научного познания действительности (Л. П. Столярова).

2 Лексика каждого языка членит внеязыковую действительность особым образом, не таким, как в других языках. Часть спектра, в которой русский язык различает три цвета – зеленый, синий и голубой, покрывается двумя французскими или английскими лексемами: *vert* и *green* ‘зеленый’ vs . *bleu* и *blue* ‘голубой / синий’, в то время как в японском на всю эту зону накладывается всего одна лексическая этикетка: *aoi* ‘зеленый / голубой / синий’. В австралийском языке *ньявайги* есть специальная лексема для ‘солнца, находящегося очень низко, у самого горизонта’ и еще одна лексема для ‘солнца, стоящего прямо в зените’, но нет лексемы просто для солнца.

Лексические значения навязывают говорящему определенный выбор. Так, по-русски можно сказать «Он был ранен в руку», но уже в английском или во французском от говорящего потребуются уточнить, в какую именно часть руки – в кисть или выше. Тем не менее, такие обязательные выборы никогда не бывают столь же систематичными или регулярными, как обязательные выборы в случае грамем.

3 В настоящее время учёные (Ю. Д. Апресян, Г. М. Богомазов, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв и др.) выделяют следующие характеристики русской языковой картины мира:

– неподконтрольность субъекту, или неопределённость той силы, которая является причиной существующего положения вещей («Мне не спится» – ситуация неподвластна субъекту);

– событийность как способность представлять описываемую ситуацию в виде разворачивающегося действия («Аптека находится на углу»: находит-ся, «находит себя», т. е. ситуация не статична, а с некоторой долей условности динамична);

– предсказательность – когда последующее явление может быть с большой долей вероятности предсказано предшествующим ходом построения выражения / предложения / текста (синтетизм глагола в немецком языке, формы согласования и управления в русском языке и др.);

– тяготение к эксплицитности (принцип «не экономить на материале» при формировании / использовании лексических единиц: стал, встал, привстал, стою, постою – чёткое соответствие плана содержания плану выражения);

– поляризация ценностных представлений, обусловленная в том числе особенностями русского православия (например, «тело» и «душа» как «низкое» и «высокое» начала);

– тяготение к горизонтальности и бесконечности в пространственной категоризации (противопоставление концептосферы с положительным оттенком «широкий, долгий» концептосфере с отрицательным оттенком «короткий, тесный» и другие примеры) и т. п.

4 Если грамматика на самом деле составляет «концентрированную семантику» (А. Вежбицкая), то она воплощает систему значений, рассматриваемых в данном конкретном языке как наиболее важные при интерпретации и концептуализации действительности и человеческой жизни в ней. Грамматика, как основа любой языковой системы, не просто инструмент для воспроизведения мыслей. Она сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза. «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанным нашим языком» (Ли Уорф). Он писал, что грамматика рисует образы сознания, а сознание отражает грамматическими фигурами реальный мир. Сознание – это отражение реального мира, а грамматика – это соединение в структуры отраженных фигур.

Создание классов, подчинение слов грамматическим правилам и является упорядочением мира ради придания ему гармонии и смысла.

Если привлекать языки за пределами Европы (даже Евразии), где «речевые коллективы в течение многих тысячелетий развивались независимо друг от друга и от Старого Света, тот факт, что языки членят мир по-разному, становится совершенно неопровержимым». В грамматике америндского языка хопи слова *молния, волна, пламя, метеор, клуб дыма* – глаголы (из-за краткой длительности), а *облако, буря* – существительные (в силу большей продолжительности).

В этом же языке значения времени выражаются через вид, наклонение. В отличие от европейских языков, хопи различает в высказывании не настоящее – прошедшее, а степень достоверности высказывания (сообщение о событии, ожидание события, обобщение событий или закон).

Одни и те же грамматические категории в разных языках способны весьма своеобразно представлять окружающий нас мир и даже показывать нам его с разных точек зрения, отождествлять какие-то вещи или, наоборот, различать. В грамматике каждого языка имеется свой набор предпочтений, который отражает приоритеты языкового сознания говорящих на данном языке.

В речи эти приоритеты проявляются в обязательном выражении грамматических значений, свойственных данному языку. В китайском языке грамматическое время не является ведущей грамматической категорией, так как выражение времени морфологическими средствами в китайском языке необязательно. Французский лингвист А. Масперо отмечает: «Мы совершенно неспособны мыслить то или иное существительное или тот или иной глагол во фразе вне какой-либо грамматической категории – числа, времени и т. п.: существительное для нас непременно стоит в единственном или множественном числе, глагол, непременно в настоящем, прошедшем или будущем времени. Китаец же мыслит существительное и глагол вне зависимости от данных понятий; он может добавить их в качестве полезных указаний, однако они не являются обязательными».

2. 5 Грамматические картины мира в этнических языках

- 1 Историческая подвижность грамматических категорий
- 2 Грамматическая картина мира: принцип подхода
- 3 Категория рода в этнических языках
- 4 Грамматика обращения в этнических языках

1 В древнеанглийском языке глагол имел только два времени – настоящее и прошедшее. Идея будущности выражалась лексически или контекстуально. Однако уже в древнеанглийском языке в результате грамматикализации модальных глаголов *sculan* и *willan* зарождается грамматический способ выражения будущего действия. Вероятно, в связи с возникновением грамматической формы будущего времени в языковом сознании древних британцев появился грамматический концепт будущности. В языковом сознании современных носителей английского языка этот концепт ассоциируется, прежде всего, с грамматической формой будущего времени, несмотря на наличие в современном английском языке различных способов выражения будущего действия.

До XIII века в языке идиш, как и в других германских языках, не было категории вида. В дальнейшем под влиянием славянских языков в идише развилось чуждое германским языкам последовательное различие несовершенного и совершенного видов. Оно проявляется в видовых парах глаголов типа *leinen – überleinen* (читать – прочитать), *hazern – ois hazern* (учить – выучить). Очевидно, с возникновением категории вида в языковом

сознании носителей языка идиш возник грамматический концепт незавершенности – завершенности действия [Литвак].

2 Чтобы употребить в речи необходимые грамматические формы, говорящий должен в считанные доли секунды проделать множество мыслительных операций (В. А. Плунгян). У носителей различных языков эти мыслительные операции будут различными. При обращении к данной проблематике важно руководствоваться тезисом, сформулированным Е. В. Падучевой: «Задача отыскания в том или ином языке черт, а priori приписываемых соответствующему национальному характеру, безнадежна и не представляет большого интереса». Нужно, наоборот, «выявлять свойства национального характера, вычитывая их из национально-специфического в соответствующих языках» [Падучева, с. 21].

3 Грамматическая категория рода способна управлять нашим миропониманием. В славянских и других языках, где слово день мужского рода, а ночь женского, поэты описывают день как возлюбленного ночи. Немецкие художники изображают грех в виде женщины; слово грех в немецком языке – женского рода (die Sünde), в русском – мужского. Смерть (слово, имеющее в русском языке женский грамматический род) в иллюстрациях к немецким сказкам изображена в виде старика (нем. der Tod – мужского рода). Название книги стихов Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь» вполне естественно на русском языке, где слово жизнь – женского рода; но на чешском языке слово жизнь – мужского рода (život)».

Смыслы басен, сказок при переводах могут трансформироваться из-за различия значений грамматического рода в этнических языках. Во французском тексте басни Ж. Лафонтена «La cigale et la fourmi» цикада и муравья мыслятся как существа одного пола (слова принадлежат к грамматическому женскому роду), поэтому поступки бездельницы цикады не вызывают сочувствия у читателей. В басне Крылова по причине несовпадения грамматического рода слов поступки персонажей оцениваются иначе: стрекоза пела и плясала (но она же «девочка!»), поступок же муравья («мальчика») выглядит совсем не по-мужски, и потому муравей не прав, а стрекозу жалко [Богатырева].

М. Елиферова показывает, насколько неудачно в ряде случаев в русскоязычных переводах выбраны имена существительные, называющие героев сказок, поскольку это видоизменило исходные смыслы, представленные в англоязычных авторских текстах. Например, Багира в «Книге джунглей» Р. Киплинга – «герой-воин, снабженный ореолом романтического восточного колорита, противопоставленный Шер-Хану как благородный герой разбойнику. Отношения Багиры и Маугли в оригинале – это отношения мужской дружбы, а не женской опеки (в русском языке слово пантера женского рода). Сова у Милна или Черепаха, Гусеница, Соня у

Кэрролла явно должны быть мужского пола, что утрачено в большинстве русских переводов из-за грамматического женского рода наших существительных [Елиферова].

4 В японском языке обращение к неодушевленному предмету невозможно. На советской космической выставке в г. Симидзу (префектура Сидзуока) надо было подготовить японские переводы для дубляжа. Один из советских фильмов, посвященный доставке на Землю образцов лунного грунта, по-русски назывался: «Здравствуй, лунный камень!». Дословный перевод был решительно забракован японской стороной. Фильм в итоге был назван просто «Tsuki no ishikawa» 'лунный камень', без обращения. Каждый человек, к которому обращаются по-японски, занимает определенное место с точки зрения семантических признаков «высший – равный – низший» и «свой – чужой». Животные еще могут быть представлены в этих рамках, но не неодушевленный предмет. Отмечают и обратные трудности в переходе от лиц к предметам: если в Европе могут называть поезда «Бетховен» или «Штраус», и улицам часто присваивают имена знаменитых людей, то Японии такой перенос не свойствен.

2. 6 Морфемика как часть грамматической картины

1. Морфемы как элемент грамматической картины мира
2. Значение аффиксов
3. Синсемантическая аффиксов в русском языке.

1 В испанском языке у дериватемы 'тот, кто происходит из / живет в X (название жителя некоторой местности)' имеется более десятка разных показателей-суффиксов: -aco (austriaco, от Austria), -ano (toledano, от Toledo), -enco (ibicenco, от Ibiza), -ense (almeriense, от Almería), -eño (madrileño, от Madrid), -es (leonés, от León), -í (tetuaní, от Tetuan), -ino (alicantino, от Alicante), -ita (estagirita, от Estagira) плюс еще несколько редких суффиксов. Их распределение, как и в русском языке, отражает скорее историю, чем какие-либо синхронические закономерности. Напротив, в турецком языке дериватема 'язык народа X' выражается посредством одного-единственного показателя (четыре варианта – -ca / **3 a** /, -ce, -ça / ça /, -çe – обусловлены фонологической структурой корня):

Fransiz 'француз' ~ fransizca 'французский язык'

Fin 'финн' ~ fince 'финский язык'

Rus 'русский' ~ rusça 'русский язык'

Türk 'турок' ~ türkçe 'турецкий язык'.

2 Значение называется *деривационным // словообразовательным*, или *дериватемой*, если, не будучи словоизменительным, оно выражается

языковыми знаками, похожими на те, которыми выражаются словоизменительные значения [морфологическими средствами]. Дериватемы не обязаны входить в противопоставления: в отличие от грамем.

Дериватемы имеют тенденцию:

1. быть конкретными;
2. иметь относительно ограниченную сочетаемость;
3. иметь нестандартные средства выражения;
4. оставаться вне сферы действия синтаксических правил;
5. допускать амальгамирование с лексическими значениями;
6. выражаться показателями, располагающимися ближе к корню, чем

показатели грамем;

7. изменять часть речи исходной основы [Мельчук].

Однако и здесь бывают исключения: в немецком языке мы имеем *Kind + er + chen* ‘деткишки’, где *Kind* = ‘ребенок’, *-er* = ‘множественное число’ [граммема], а *-chen* = ‘уменьшительность’ [дериватема]. В испанском языке *heroic + a + mente* ‘героически’, где *-a-* = ‘женский род’ [граммема] и *-mente* – суффикс отадъективного наречия [дериватема].

Поскольку дериватемы ближе к лексическим значениям, чем грамемы, постольку они и более универсальны: в значительном числе языков грамемы отсутствуют (= нет словоизменения), но зато языков без дериватем (= без словообразования), по-видимому, не существует. Если в языке есть словоизменение, то в нем обязательно есть также и словообразование.

ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

2.7 Процессы формирования грамматических категорий русского глагола

1. Грамматические категории и значения глагола
2. Формирование категорий и значений лица и безличности
3. Формирование категорий и значений вида

1 Грамматическое учение о слове прежде всего должно выделить те общие категории, которые намечаются или обозначаются в системе основных типов слов современного русского языка, особенно в системе частей и частиц речи как существеннейших конструктивных элементов предложения (В. В. Виноградов).

Система грамматических форм неоднородна у разных типов слов. Различия в образовании, употреблении и значении слов и форм слов отражают дифференциацию частей речи.

Важнейшими сторонами грамматической структуры русского языка еще В. В. Виноградов считал относительное употребление глагольных времен, виды русского глагола, категория залога, значения предлогов, функции союзов и др.

С точки зрения А. В. Бондарко, группировки при явно выраженных многосторонних и разноаспектных связях (как это имеет место в глаголе) становятся особого рода системой, имеющей свою структуру, элементами которой являются отдельные грамматические категории и связи между ними. Предпосылка взаимных связей грамматических категорий – их совместная данность в слове.

2 Безличность, передающая особый образ действительности, ее бытия и функционирования, несомненно, является элементом русской языковой картины мира, «категорией грамматического мышления» (Н. П. Курмакаева) [Безличность]. Безличные предложения отмечены абсолютизацией грамматического предиката, полной закрытостью позиции подлежащего. Их характеризует категориальное значение стихийности, самопроизвольности, сохранившее древнейшие табуированные представления об предначертанности, обусловленности действий человека высшими силами.

Все чаще безличность рассматривается как поле, в котором можно выделить четко выраженный центр и размытую, разнородную периферию. Центр поля безличности включает специализированные словоформы – безличные формы глаголов (Вызвездило. Повезло), безличная форма имени прилагательного с формантом -о. На периферии располагаются глагольное слово нет, безличные формы причастий (Накурено), существительных, местоимений, наречий, причем на дальней – безличные фразеологизмы.

3 В русском языке как специфическое явление морфологического уровня отмечают категорию вида, возникшую в результате трансформации системы времен глагола. Вид свойствен небольшому количеству этнических языков. В древнегреческом языке выделялись три значения вида: аористический, презентный, перфектный. В славянских языках (болгарский, польский, украинский и др.) насчитывают два основных значения (совершенный и несовершенный).

Многообразие оттенков, касающихся способа протекания действия и отношения к нему говорящего, выражаемых словообразовательными средствами (способов глагольного действия, или СД), является не менее яркой особенностью русской глагольной системы, чем наличие в ней грамматической категории вида. Именно эти выразительные средства

славянского глагола, ... со своей необыкновенно богатой палитрой тонких и тончайших оттенков значения, «придают славянскому глаголу ту многогранность и гибкость, которая в кругу европейских языков не знает параллели» (А. В. Исаченко). К «безэквивалентной грамматике» относятся однократный способ действия (ругнуть, ругануть, сказануть и др.), многократный (видеть – видать и видывать, знать – знавать), многие интенсивно-результативные СД и др.

2.8 Грамматическая омонимия частей речи в русском языке

1. Понятие грамматической омонимии
2. Историческое развитие направлений грамматической омонимии
3. Синхронные проявления грамматической омонимии в русском языке
4. Соотношение омословоформ.

1 Транспозиция (лат. «перестановка», «перестановка местами, позициями») – наиболее разветвленная форма асимметрии русского слова. Это означает, что одна грамматическая форма (именно только форма в отрыве от своего исконного значения) становится на место другой формы и, одновременно приобретая для данного случая на некоторое время значение этой другой формы; такая транспонированная форма, утрачивая на время свое привычное, «законное», нейтральное значение, вступает в противоречие сама с собой: форма и функция не соответствуют друг другу [Лыков].

2. Иногда знаменательное слово в процессах семантического асимметрии в виде расширения своих функций (в сторону их «формализации») лексически опустошается, «выветривается» и переходит в зону служебных слов, например, в предлоги с последующим обобщением – утратой способности к морфологическому или словообразовательному членению. Например, существительное «ряд» в форме тв. п. ед. ч. «рядом» в речи легко и регулярно переходит в слово с четко выраженным значением обстоятельства места – в наречие, а окончание -ом существительного, утратив способность входить в морфологическую словоизменительную парадигму, как бы застыло, окаменело и превратилось в суффикс, участвующий в аналогичном образовании целой серии наречий от других существительных: низом, строем (солдаты идут строем), молчком, летом, днем и т. п. Транспозиция сопровождается аффиксацией – участием в этом процессе аффиксов: окончания -ом (когда словоформа «рядом» является существительным) и омонимичного этому окончанию суффикса -ом (когда омонимичная словоформа «рядом» является наречием). Это свидетельствует о тесной связи и слиянии транспозиции и аффиксации в

самом этом феномене перехода слова из одной части речи в другую. Притом транспозиция как таковая представляется нам здесь скорее как внутренний, внешне не выраженный процесс или акт; сопровождающая же ее аффиксация эксплицитно, в материальных формах языка посредством аффиксов репрезентирует этот процесс или акт.

Наречие рядом не остановилось в своем функционально-семантическом развитии. Его дальнейшая асимметричная эволюция, выразившаяся в утрате лексического значения, привела его в служебное слово – предлог – посредством функционально-семантического слияния этого лексически опустошенного слова с первичным предлогом «с» и превращения его в сложносоставной предлог «рядом с». Например: Он живет рядом с институтом. Обратим внимание на то, что отрезок «рядом с институтом» является одной-единственной аналитической словоформой существительного в тв. п. ед. ч., а сложносоставной предлог рядом с, выступая как аналитическое средство выражения падежного значения, предстает в этом своем качестве морфологически опрощенной лексической единицей, утратившей способность к словообразовательному или морфологическому изменению. См. также переход в предлог: В ряду других событий это очень запоминается.

Предлоги входят в ту же группу других сложносоставных предлогов, появившихся в XIX в. на общем фоне подъема науки, философии, техники, общественной жизни в результате семантико-асимметричного расщепления знаменательных слов, главным образом имен существительных. К таким предлогам, например, относятся: через посредство, по причине, со стороны, в сторону, в целях, в зависимости от, в связи с, в соответствии с, по направлению к и др.

Обратим внимание и на то, что эти предлоги в своей семантике еще сохранили хотя и в размытом виде, но достаточно ясные следы – своего рода «родимые пятна» былого происхождения от знаменательных слов с участием первичных предлогов: в, с, к, по и др. Эта формально-семантическая двойственность данных единиц объясняется, во-первых, континуального значения и дискретностью звуковой и графической материализации этого значения; кроме того, каждый из этих предлогов состоит из элементов, этимологически восходящих как к служебным, так и к знаменательным словам; во-вторых, здесь границы между знаменательными и служебными частями речи прозрачны, подвижны и проницаемы, что подтверждается живыми и непрекращающимися процессами взаимопереходов знаменательных и служебных слов.

3. На общем фоне сложных, многообразных, а нередко и громоздких процессов русской аффиксации и других типов преобразований выделяются внешне простые и прозрачные транспозиционные и аффиксальные переходы словоформ и входящих в них аффиксов из одной

классификационной рубрики в другую. Возьмем три простейших предложения:

Утро ясно.

Утром в небе ясно.

Он рассуждает ясно.

В каждом из них имеется омословоформа (омонимичная словоформа) «ясно», за которой скрываются три разные языковые единицы. В первом предложении «ясно» – краткое прилагательное в функции сказуемого, а конечный аффикс -о является окончанием. Во втором предложении эта омословоформа представляет собой предикатив (категорию состояния) в функции главного члена безличного предложения, аффикс -о – суффикс. В третьем предложении данное слово является наречием в функции обстоятельства образа действия, морфема -о'– суффикс.

Главным является во многих отношениях примечательная «готовность» этих трех этимологически единых и словообразовательно соотносимых омословоформ стать в предложении «чем угодно» – и прилагательным, и категорией состояния, и наречием: все зависит от того, в какую структуру предложения входит или войдет омословоформа. Здесь хорошо видно грамматическое и семантическое господство предложения над словом: второе зависит от первого значительно больше, чем первое от второго. Слово входит как бы в уже готовую и априорно заданную схему предложения, и лишь в нем оно обретает свою настоящую жизнь и данное конкретное свое речевое значение, свой статус члена предложения.

В современном русском языке синхронно соотносительны однокорневые слова: ясно (краткое прилагательное) – ясно (наречие) – ясно (категория состояния). В этой цепи первое Слово является словообразовательно непроизводным, остальные два производные суффиксальные.

4. При рассмотрении вопроса о соотношении омословоформ летом (сущ. в тв. п.) и летом (наречие) мы видим, что принадлежность одной из них к существительному (Мы отдыхали в прошлом году жарким июльским летом) или к наречию (Мы отдыхали в прошлом году летом) целиком зависит от синтаксиса – от предложения и его структуры. Что касается морфемного отрезка -ом, то, быть ли ему окончанием существительного или суффиксом наречия, зависит от частеречного статуса омословоформы, в состав которой входит этот отрезок, а отнюдь не от структуры предложения. Выбор и статус морфемы зависят от словоформы, а выбор и статус словоформы – от предложения.

При переходе слова (словоформы) из одной части речи в другую участвуют два типа преобразования: транспозиция и аффиксация. Оба типа неравноценны, асимметричны по отношению друг к другу: аффиксация

подчинена транспозиции и в конкретных своих реализациях предопределена ею. Здесь очевидна кажущаяся легкость и простота таких переходов. Здесь же мы наблюдаем и своего рода «межчастеречные маятниковые качели» омословоформы «летом» между существительным и наречием, а это свидетельствует, с нашей точки зрения, о некоторой ослабленности и неясности частеречного статуса некоторых слов и словоформ русского языка.

2.9 Грамматики русского языка

- 1 Первые грамматики славянского языка
- 2 Русские грамматики на русском языке (XVIII век)
- 3 Русские грамматики на русском языке (XIX век)

1 Русские грамматики (грамматики русского языка) – научные произведения, описывающие грамматический строй русского языка.

Долгое время основой книжной учености и словесности были старославянский (в разных изводах) язык, поэтому книжники в первую очередь создавали грамматики церковно-славянского языка для обучения в церковных учебных заведениях (монастырских или братских школах и гимназиях). Первой печатной грамматикой славянского языка можно считать вышедшую в 1591 году во Львове «Граматику доброглаголиваго эллино-словенскаго языка». В 1594 году в Вильне была издана «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания. Она множество раз перепечатывалась: в 1621 – в Вильне, а в 1649 году и в Москве.

В 1619 году близ Вильни была напечатана знаменитая грамматика Мелетия Смотрицкого, которая на многие годы являлась главным учебником церковно-славянского языка. По этому учебнику, в частности, учился Михайло Ломоносов.

Первой грамматикой русского языка следует считать краткое описание русского языка на английском языке, служащее введением к словарю Марка Ридлея («A Dictionary of the vulgar Russian tongue»), составленному им в 1594–1599 годах. Еще один фрагмент русской грамматики находится в материалах по русскому языку, записанных Тённисом Фенне в Пскове в 1607 году. Фенне – из тех немецких купцов, которые приехали в Псков с восстановлением в 1599 году торговых отношений Руси с Прибалтикой и Северной Германией.

Первой грамматикой именно русского языка признаётся вышедшая в 1696 году в Оксфорде *Grammatica Russica* Генриха Лудольфа на латинском языке. Эта была первая попытка создания научного описания русского разговорного языка. В грамматике впервые содержалось указание на различия между старославянским и русским языками, перечислялись особенности русского произношения, приводились образцы склонения

существительных, прилагательных и местоимений, достаточно подробно объяснялись особенности глагола и приводилась глагольная парадигма. В составе грамматики был краткий русско-латинско-немецкий разговорник, содержащий повседневные фразы, и маленький словарик. Орфография во многом отражала разговорную речь. Однако эта книга по структуре повторяла грамматики старославянского языка.

2 Первую попытку систематизировать знания о русском языке и составить русскую грамматику для русских предпринял русский учёный Василий Адодуров (1709–1780 гг.). В своём трактате, написанном им предположительно в 1739–1740 годах, он описывал прежде всего правила орфографии и пунктуации и употребление тех или иных букв, однако в ней содержались некоторые замечания по поводу произношения, склонения, спряжения, синтаксиса. Трактат являлся расширенным вариантом его заметки о русском языке, изданной в 1731 году. Трактат Адодурова был переведен на шведский язык Михаилом Грёнингом и издан в 1750 году. Однако работа Адодурова так и осталась незавершённой и неизданной, и была практически забыта, а перевод Грёнинга был малоизвестен. Более чем через 200 лет научное издание найденной рукописи было предпринято Борисом Успенским.

Однако первой печатной русской грамматикой на русском языке была «Российская грамматика» Михаила Ломоносова (1711–1765), опубликованная в 1755 году. В ней впервые со всей полнотой описывался русский язык того времени, впервые фактически устанавливалась норма литературного языка. Она была разделена на несколько тематических глав: о человеческом слове вообще, о чтении и правописании, об имени, о глаголе, о служебных частях речи, о сочинении частей слова (то есть синтаксисе). Она была по достоинству оценена соотечественниками и множество раз переиздавалась. Грамматика Ломоносова оставалась важнейшим справочником русского языка на протяжении XVIII века. В 1764 году работа Ломоносова была переведена на немецкий язык и напечатана.

В 1771 г. Антоном Барсовым (1730–1791) была составлена книга «Краткие правила российской грамматики». Из всех работ того времени она являлась наиболее полным описанием русского языка и вместе с тем уникальным произведением русской лингвистической мысли. Однако она, так же как и грамматика Василия Адодурова, осталась в рукописи и была опубликована лишь в 1981 году.

Кроме того, в XVIII веке было создано несколько примечательных произведений, посвященных русскому языку. Например, в 1769 году Кургановым была издана «Российская универсальная грамматика», или «Письмовник». Помимо общедоступных объяснений русской грамматики, она имела приложения с разными учебными и назидательными текстами, баснями и т. п. Несмотря на свою неполноту, эта книга выдержала 18 переизданий и была популярным учебным пособием по русскому языку тех времён.

3 Начало XIX века ознаменовалось выпуском Императорской академией наук в 1802 году академической грамматики. Так же как и другие, она делилась на несколько частей: орфография, грамматика, синтаксис. Грамматика выдержала 3 издания.

XIX век в целом охарактеризовался расцветом отечественной филологии и прежде всего русистики. Одна за другой издаются очень подробные грамматики и научные работы по русскому языку. Особое значение в первой половине XIX века имели труды Н. И. Греча (1787–1867 гг.). В 1827 году им была выпущена «Пространная грамматика Русского языка» (позже переведена на французский язык), «Практическая грамматика русского языка», а также сокращённая «Краткая русская грамматика». Кроме того, он написал несколько учебных пособий по русскому языку.

Почти параллельно с Гречем в 1830 году известным языковедом А. Х. Востоковым (1781–1864 гг.) была издана «Русская грамматика».

2.10 Поэтическая морфология частей речи в русском языке

- 1 Ресурсы единиц морфологии в области художественного текста
- 2 Приемы эстетизации именных частей речи в идиостилиях
- 3 Приемы эстетизации наречий.

1 Эстетический потенциал слова как единицы морфологии, с точки зрения Г. А. Хайрутдиновой, обуславливает целый ряд факторов, среди которых встречаем следующие: свойства лексемы, связанные с ее частеречной принадлежностью (867 ед.); грамматическая изменяемость / неизменяемость морфологических единиц (231 ед.); лексико-грамматические свойства лексемы как элемента формального класса языковых единиц (292 ед.); целостность слова: значимость данного фактора не слишком высока, но имеет тенденцию к увеличению – всего 608 случаев; стилистические особенности слова или словоформы (727 ед.) [Хайрутдинова]. Наиболее значимыми выглядят признаки, зависящие от включенности языковой единицы в грамматическую оппозицию в пределах морфологической категории (1705 ед.); от отнесенности слова к лексико-грамматическому разряду (1160 ед.).

2 По подсчётам Г. А. Хайрутдиновой, в количественном отношении обыгрывание частеречной принадлежности слова в идиостиле Евгения Евтушенко представляет собой наиболее значительную группу примеров – более 21% от всех случаев реализации эстетических возможностей морфологических средств языка. В произведениях поэта встречаются примеры обыгрывания звукового сходства слов, относящихся к разным

частям речи Так, каламбурная игра грамматическими омонимами (существительным в В. п и неопределенной формой глагола) в предлагаемом далее фрагменте текста служит выражению авторской иронии: Каждой новой власти не под стать / Те, кто помогли ей властью стать («Похороны Окуджавы»). От использования служебных частей речи в конце стихотворной строки происходит их семантическое и акцентное выделение [Хайрутдинова].

Манере письма Е. Евтушенко свойствен также прием антимерии (употребление одной части речи в значении и функции другой) Яркие, индивидуальные образы создаются, например, за счет субстантивации наречий в экспозиции его поэмы «Казанский университет»: И по себе, такому и сякому, / на копоть и на тряску не ворча, / я на подножке мчащего сегодня / во имя завтра еду во вчера...

Обогащает образную основу текста прием метафорического использования неодушевленных существительных: Помоги мне, мать-земля' / С тишиной меня сосватай (В. Брюсов «У земли»).

Встречается обыгрывание грамматических значений словоформ в рамках категории падежа существительных: У него был соавтор: он писал с грехом пополам (Э. Кроткий).

Художественной выразительностью обладает изменение сочетаемости несчетных существительных в рамках категории числа: И вот я две муки неравных кладу на весы, / две муки, две боли, сплетенные мертвым узлом (Ю. Левитанский).

Случаи расширения парадигмы встречаются и в сфере прилагательных: Лейпциг ночью гораздо голей (Д. Самойлов); Что мне поступь Железной Маски, / Я еще пожелезней тех (А. Ахматова «Поэма без героя»). Качественное прилагательное употреблено в краткой форме, хотя языковой узус ввиду индивидуальных особенностей самой лексемы этого не допускает, относительное прилагательные железный, реализующее в контексте художественного произведения значение качественного, использовано в форме сравнительной степени, что не свойственно данному лексико-грамматическому разряду признаков лексем.

Эстетический эффект может быть обусловлен увеличением частотности употребления той или иной грамматической формы: А заглянешь в законные просторы без конца – Ни пешего, ни конного, Ни друга, ни гонца (Д. Самойлов).

Итак, по наблюдениям Г. А. Хайрутдиновой, большую значимость имеют те категории, в рамках которых происходит тесное взаимодействие морфологических средств с элементами других уровней языка – главным образом лексики и словообразования В сфере именных частей речи это, безусловно, категории рода и числа существительных Наличие у большинства морфологических категорий разнообразных парадигматических и синтагматических показателей морфологических значений свидетельствует о широких потенциальных возможностях морфологии русского языка в плане эстетизации ее элементов.

3 Исследователь Т. П. Ившина отмечает различные процессы в наречиях в зависимости от их дериватов. Так, в наречиях-отадъективах налицо: а) объединение обстоятельственной и определительной семантики (смертельно орет); б) совмещение разных значений соотносительного прилагательного, номинативного и метафорического (серо – серея и уныло); в) «затемнение» адъективного значения адвербиальной семантикой (развитие количественного значения в качественных наречиях: страшно мягкий); г) актуализация номинативного значения при обнажении внутренней формы и «приглушении» адъективной семантики – переносного значения имени прилагательного (ослепительно сядет – ослепляя); д) индуцирование дополнительных значений за счет внутренней формы производящей основы (блестяще – великолепно и блестя); е) расширение сочетаемости наречия по сравнению с соотносительным прилагательным.

В наречиях, образованных от прилагательных-отсубстантивов, обнаруживается дистрибуция значений наречия по денотату имени существительного, которые актуализируются определяемым словом (молочно белели, молочно розовели). Дифференцируются при этом не только эмпирические, но и рациональные признаки (шелковисто кудрявилась – шелковисто просвечивал; деревянно бормотал – деревянно покачивались). Значение сравнения, заложенное в денотате имени существительного, осложняется адвербиальным в зависимости от контекста (канаречно желтели – как канарейка и ярко) [Ившина].

Наречие само оказывает влияние на смысловое содержание определяемого им слова. Расширение сочетаемости «цветового» глагола с аналогичными наречиями влечет за собой обобщение семантики глагола (чернели, серели – темнели, выделялись) [Ившина].

3 ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

3.1 РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В XVI-XVII ВВ.

Таблица 3 – Развитие грамматической мысли в XVI –XVII вв.

№	Автор, труды	Период	Основные положения работ(ы)
1	Максим Грек (около 1475– 1566) «О грамматике» «О пользе грамматики»	1520– 1525	<p>Соотнесение русского языка и русской грамматики с греческой.</p> <p>М. Грек стремится к наиболее точной передаче греческого текста в церковнославянском переводе, к воплощению в славянском тексте наибольшего объема лексической и грамматической информации, содержащейся в греческом первоисточнике. Таким образом, греческий язык замещает несуществующую грамматику церковнославянского языка.</p> <p>Автор проповедовал возврат от звука к букве, от живой речи к искусственной.</p>
2	Лаврентий Зизаний (Густановский) «Грамматика словенска съвершенна искуства осми частий слова» «Лексис»	1596	<p>Написана с сознательной ориентацией на греческие и латинские образцы.</p> <p>Целью было доказать равную значимость церковнославянского языка с греческим; описательных или нормативных целей Зизаний не преследовал (его предписания иногда достаточно сильно отклоняются от реальной языковой практики того времени).</p> <p>Термин «истинословие» (этимология)</p>

3	<p>Мелетий (в миру – Максим Герасимович Смотрицкий) (ок. 1577–1633)</p> <p>«Грамматика словенские правильное синтагма»</p>	1619	<p>«Грамматика» написана по образцу греческих грамматик.</p> <p>Разделы «Грамматики»: орфография, этимология, синтаксис и просодия.</p> <p>Установлена система падежей, свойственных славянским языкам; установлены два спряжения глаголов, определение (ещё не совсем точное) вида глаголов; отмечены лишние буквы славянской письменности, в которых она не нуждается.</p> <p>«Грамматика» насыщена множеством примеров, облегчающих усвоение грамматических правил.</p>
4	<p>Юрий Крижанич (1617–1683)</p> <p>«Грамматическое изыскание о русском языке»</p> <p>«Объяснение выводно о письме словенском»</p>	1666	<p>В «Грамматическом изказании» был дан блестящий сравнительный анализ славянских языков. Это был первый в Европе труд по сравнительному языкознанию.</p> <p>Ю. Крижанич имеет в виду не один какой-либо славянский язык, а язык всех славян.</p> <p>«Объяснение выводно о письме словенском» – это первый в России грамматический труд по русскому языку. Ю. Крижанич уже тогда заметил ненужность написания «ера» на концах слов и в своем труде употреблял эту букву только как разделитель. Он предлагал очистить русский язык от излишних грецизмов и латинизмов, а также устранить ненужные буквы «фита», «ижица», «пси», «кси». Крижанич впервые предложил для удобства заменить названия букв (аз, буки, веди и т. д.) односложными.</p>
5	<p>Горлицкий Иван Семёнович (1690–1777)</p>		<p>Составил французскую грамматику, которую посвятил Екатерине I (не издано), перевел французскую грамматику М.-А. Декомбля (1730).</p>

	Французская грамматика	1730	Сохранились положительные отзывы М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского о переводе данных грамматик.
6	Адодуров Василий Евдокимович (1709–1780) «Грамматика»	1738–1740	<p>Данная работа является первым опытом кодификации русской речи, т. е. это первая грамматика русского языка, предназначенная для самих его носителей.</p> <p>Грамматика В. Адодурова характеризуется отчетливым противопоставлением церковнославянских и русских форм и явной ориентацией на собственно русскую языковую стихию (противопоставлены местоимения этот – сей, глагольные приставочные формы «воз- // вз-», «из- // вы-», «пре- // пере-»).</p> <p>В «Грамматике» В. Е. Адодурова содержится описание отношений (хотя и не всех) между фонемами русского языка.</p> <p>В. Адодуров формулирует и некоторые правила русской графики и отдельные принципы орфографии.</p>
7	Тредиаковский Василий Кириллович (1703–1769)		<p>В. К. Тредиаковский считал, что необходимо составить грамматику русского языка, словари и риторику.</p> <p>Его новаторские теоретические идеи воплотил в жизнь М. В. Ломоносов («Грамматика» и «Риторика»).</p>

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики : Краткий очерк/ Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1961. – 302 с.
- 2 Белянин, В. П. Психолингвистика : учебник / В. П. Белянин. – М. : Флинта, 2003. – 232 с.
- 3 Богатырева И. И. Грамматический взгляд на мир [Электронный ресурс] / И. И. Богатырева // Слово : образовательный портал.– URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/47290.php?sphrase_id=116425.
- 4 Бондарко, А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко / отв. ред. В. Н. Ярцева. – Л. : Наука, 1984. – 136 с.
- 5 Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. – Ч. 1. Онтология явлений и русский вид. – М., 1997.
- 6 Виноградов, В. С. Курс лексикологии испанского языка : учебник для университетов / В. С. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1994. – 192 с.
- 7 Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. С. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.
- 8 Воротников Ю. С. Типологическое языкознание / Ю. С. Воротников // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование». – М. : Ин-т управления образованием РАН. – 2013. – №5.
- 9 Гридина, Т. А. Онтолингвистика (язык в зеркале детской речи) / Т. А. Гридина. – М. : Флинта, 2013. – 188 с.
- 10 Даниленко, В. П. Введение в языкознание [Электронный ресурс] : курс лекций / В. П. Даниленко. – М. : Флинта, 2010. – 288 с. – URL: <https://e.lanbook.com/book/1377>.
- 11 Даниленко, В. П. История русского языкознания : курс лекций / В. П. Даниленко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 320 с.
- 12 Дешериев, Ю. Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории / Ю. Д. Дешериев. – М. : Наука, 1977.
- 13 Дронсейка Р. П. Особенности восприятия слова «я» некоторыми возрастными группами [Электронный ресурс] / Р. П. Дронсейка // Филологические науки. – 2009. – № 3. Теоретические и методологические проблемы исследования языка. – URL: http://www.rusnauka.com/16_NPRT_2009/Philologia/47599.doc.htm.
- 14 Елифёрова, М. «Багира сказала...» [Электронный ресурс] / М. Елифёрова // Вопросы литературы. – 2009.– № 2. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/2/eli12.html>.
- 15 Ившина, Т. П. Реализация эстетических возможностей наречия в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук /Т. П. Ившина. – Ижевск, 2002.

16 Литвак, С. Я. Влияние грамматических инноваций на языковую картину мира [Электронный ресурс] / С. Я. Литвак // VII Международная научно-практическая Интернет-конференция «Альянс наук: ученый – ученому» (Киев, 15-16 марта 2012 года) // Web-ресурс научно-практических конференций. – URL: http://www.confcontact.com/2012_03_15/fl4_litvak.php.

17 Лыков, А. Г. Асимметризм русского слова. Т. 1 / А. Г. Лыков, Н. А. Лыкова. – Краснодар, 2002. – С. 56–66.

18 Мельников, Г. П. Взаимобусловленность структуры ярусов в языках семитского строя / Г. П. Мельников // Семитские языки. – М., 1968. – Вып. 2. Ч. 2.

19 Мельчук, И. А. Курс общей морфологии / И. А. Мельчук. – М. – Вена : Языки русской культуры, Венский славистический альманах, Издательская группа «Прогресс», 1997. – С. 240–287.

20 Методика преподавания русского языка в школе : учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов ; под ред. М. Т. Баранова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 368 с.

21 Мильруд, Р. Грамматическая компетенция учащихся: программа работа, нейронная сеть или картина мира? [Электронный ресурс] / Р. Мильруд // Просвещение. Иностранные языки : Интернет-издание для учителя. – 2013. – июнь. – URL : <http://iyazyki.prosv.ru/2013/07/grammar-competence/>.

22 Мечковская, Н. Б. Общее языкознание : структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд. – М. : Флинта, Наука, 2001. – 312 с.

23 Ору, С. История. Эпистемология. Язык / С. Ору. – М. : Прогресс, 2000. – 408 с.

24 Падучева, Е. В. Семантические исследования. Ч. I. Семантика времени и вида / Е. В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

25 Плунгян, В. А. Общая морфология: введение в проблематику : учеб. пособие / В. А. Плунгян. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

26 Хайрутдинова, Г. А. Эстетические ресурсы морфологических средств русского языка [Электронный ресурс] / Г. А. Хайрутдинова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – Русский язык / Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна. – Казань, 2009. – URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003489499#?page=1>.

27 Харченко, В. К. Словарь современного детского языка / В. К. Харченко. – М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 637 с.

28 Цейтлин, С. Н. Детские речевые инновации : опыт анализа / С. Н. Цейтлин // Исследования по языкознанию : сб. статей к 70-летию А. В. Бондарко. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – С. 329–336.

Учебное издание

Беляева Марина Юрьевна

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Краткий курс лекций
для студентов 2-го курса бакалавриата, обучающихся по направлению 44.03.01
Педагогическое образование
(профиль подготовки – Филологическое образование)
очной формы обучения

Подписано в печать 17.07.2018.
Формат 60x84/16. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс»
Печ. л. 2,06. Уч.-изд. л. 1,74
Тираж 1 экз.
Заказ № 149

Филиал Кубанского государственного университета
в г. Славянске-на-Кубани
353560, Краснодарский край, г. Славянск-на-Кубани, ул. Кубанская, 200

Отпечатано в издательском центре
филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани
353560, Краснодарский край, г. Славянск-на-Кубани, ул. Кубанская, 200